Annotation

- Роберт ГОВАРД

 - 1
 2
 3
 4
 5

Роберт ГОВАРД Спрэг ДЕ КАМП БАРАБАНЫ ТОМБАЛКУ

Постепенно Конан пробивается обратно в Гиборейские земли. В поисках новой работы в качестве кондотьера он вступает в армию наемников, которую зингаранский принц Запайо да Кова собирает для Аргоса. Аргос и Кос воюют со Стигией. План таков: Кос должен вторгнуться в Стигию с севера, в то время как армия Аргоса нападет на Стигию с юга, со стороны моря. Но Кос заключает сепаратный мир со Стигией, и наемная армия оказывается в ловушке на юге Стигии меж двух враждебных сил. Снова Конан — один из тех немногих, кто выжил. Конан спасается бегством через пустыню вместе с юным аквилонским солдатом Амальриком. Конан попадает в плен к пустынным кочевникам, а Амальрику удается бежать.

Трое мужчин сидели на корточках около ямы с водой. Закат окрасил пустыню в темно-коричневый и красный цвета. Один из мужчин был белым, его звали Амальрик. Двое других — Гобир И Саиду — были гханатами, их лохмотья едва прикрывали жилистые черные тела. Склонившись над ямой с водой, они напоминали стервятников.

Неподалеку верблюд шумно пережевывал жвачку. Пара уставших лошадей тщетно тыкались мордами в голый песок. Люди невесело жевали сушеные финики. Чернокожие были заняты только тем, что двигали челюстями, а белый время от времени бросал взгляд на пасмурное красное небо или вдаль, на однообразную равнину, где сгущались тени. Он первый заметил всадника, который подскакал к ним и натянул поводья с такой силой, что лошадь встала на дыбы.

Всадник был гигантом, цвет кожи которого, чернее чем у тех двоих, так же как его полные губы и вывернутые ноздри, указывал на значительное преобладание негритянской крови. Его широкие шаровары из шелка, собранные на голых щиколотках, поддерживались широким поясом, несколько раз обернутым вокруг огромного торса. На поясе висел расширяющийся на конце ятаган, которым могли бы орудовать одной рукой очень немногие. С этим ятаганом всадник прославился повсюду, где бывали темнокожие сыны пустыни. Это был Тилутан, гордость гханатов.

Через его седло была переброшена фигура, которая скорее свисала, чем лежала. При виде сияния бледного тела у гханатов вырвался вздох сквозь стиснутые зубы. Это была белая девушка. Она свисала лицом вниз, переброшенная через луку седла Тилутана. Ее распущенные волосы ниспадали на стремя черной волной.

Черный гигант усмехнулся, блеснув белыми зубами, и небрежно сбросил свою пленницу на песок. Там она и осталась лежать. Девушка была без сознания. Гобир и Саиду инстинктивно обернулись к Амальрику, а Тилутан наблюдал за ним, сидя в седле: трое чернокожих людей против одного белого. Появление на сцене белой женщины внесло в обстановку неуловимую перемену.

Амальрик был единственным, который, казалось, не обратил внимания на напряжение. Он с отсутствующим видом откинул со лба прядь светлых волос и равнодушно глянул на безвольно распростертую фигуру девушки. Если в его серых глазах и промелькнул мимолетный блеск, остальные этого не заметили.

Тилутан спрыгнул с лошади, презрительно бросив поводья Амальрику.

— Позаботься о лошади, — сказал он. — Клянусь Джхилом, я не нашел песчаную антилопу, зато нашел эту девушку. Она шла через пески, шатаясь, и упала как раз когда я приблизился. Убирайтесь отсюда, шакалы, и дайте мне напоить ее.

Огромный чернокожий положил девушку рядом с ямой и принялся омывать ее лицо и руки. Он попытался влить несколько капель воды в ее запекшиеся губы. Наконец она застонала и пошевелилась. Гобир и Саиду сидели на корточках, держа руки на коленях, и пожирали девушку глазами из-за крепкого плеча Тилутана. Амальрик стоял поодаль. Казалось, его мало интересует происходящее.

— Она приходит в себя, — объявил Гобир.

Саиду не сказал ничего, но облизнул толстые губы.

Амальрик окинул бесстрастным взглядом распростертое тело — от изодранных сандалий до блестящих распущенных черных волос, раскинувшихся пышной гривой. Единственной одеждой девушки было шелковое платье, перехваченное в талии поясом. Оно оставляло ее руки, шею и

часть груди открытыми. Подол платья был на несколько дюймов выше колен. Гханаты жадно впились взглядами в обнаженные части тела девушки. Очертания ее фигуры были мягкими, почти детскими в своей мягкости, но округленные нарождающейся женственностью.

Амальрик пожал плечами.

— Кто следующий после Тилутана? — беспечно спросил он.

К нему повернулась пара удлиненных голов; налитые кровью глаза вытаращились. Затем чернокожие повернулись и уставились друг на друга. Внезапное соперничество вспыхнуло между ними подобно молнии.

— Не вздумайте подраться, — заметил Амальрик. — Бросьте кости.

Он сунул руку под свою изодранную тунику и бросил перед ними на песок пару костей. Лапа-клешня сгребла их.

— Ага! — согласился Гобир. — Мы бросим кости — после Тилутана, победителя.

Амальрик бросил взгляд на черного гиганта, который все еще был склонен над своей пленницей, возвращая жизнь в ее истощенное тело. В тот миг, когда Амальрик посмотрел на нее, ее глаза, обрамленные длинными ресницами, открылись. Глубокие фиолетовые глаза потрясенно уставились в злобное лицо чернокожего. С толстых губ Тилутана сорвалось громкое восторженное восклицание. Выхватив из-за пояса флягу, он приложил ее к губам девушки. Она механически выпила вино. Девушка удивленно осматривалась. Амальрик избегал встретиться с ней взглядом. Он был единственным белым в компании троих чернокожих, каждый из которых был равен ему силой.

Гобир и Саиду склонились над костями. Саиду зажал кости в кулаке, пошептал над ними для удачи, потряс и бросил. Две головы с ястребиными чертами лиц склонились над кубиками, которые еще кружились. Свет уже был очень слабый. Одновременно с их движением Амальрик выхватил оружие и нанес удар. Лезвие прошло сквозь худую шею, рассекло трахею. Голова Гобира повисла на куске кожи. Он упал на кости, заливая все кровью.

Саиду мгновенно, с отчаянной быстротой пустынного жителя, вскочил на ноги, выхватил клинок, свирепо бросился на убийцу и занес ятаган над его головой. Амальрик едва успел поднять меч и встретить удар. Ятаган со свистом обрушился на меч белого человека. Амальрик не сумел противостоять силе удара; его собственный меч стукнул его по голове так, что он зашатался и уронил оружие. Придя в себя, он обхватил Саиду обеими руками, заставляя его драться в ближнем бою, в котором ятаган оказался бы бесполезен. Под драными лохмотьями пустынного жителя худощавое тело было крепким, как сталь.

Тилутан, мгновенно сообразив, что происходит, отбросил девушку в сторону и с ревом вскочил на ноги. Он бросился к дерущимся, как разъяренный бык. Огромный ятаган сверкал в его руке. Амальрик увидел, что тот приближается, и похолодел от ужаса. Саиду дергался и извивался. Ему мешал ятаган, который он все еще тщетно пытался использовать против Амальрика. Ноги их переплетались, топча песок; тела сплелись друг с другом. Амальрик стал топтать обутыми в сандалии ногами босые ноги противника и почувствовал, как у того захрустели кости. Саиду взвыл и конвульсивно согнулся. Они оба накренились, как пьяные, в тот самый момент, когда Тилутан нанес чудовищный удар, вложив в него всю мощь своих мышц. Амальрик почувствовал, как сталь оцарапала ему внутреннюю часть руки и глубоко вошла в тело Саиду. Тощий гханат испустил вопль агонии. Его смертные судороги вырвали его тело из хватки Амальрика.

Тилутан проревел яростное проклятие, выдернул ятаган из тела Саиду и отшвырнул умирающего прочь. Прежде чем он успел ударить снова, Амальрик, который весь покрылся мурашками от страха перед огромным кривым ятаганом, сцепился с Тилутаном врукопашную.

Отчаяние охватило Амальрика, когда он ощутил, насколько могуч негр. Тилутан был умней,

чем Саиду. Он бросил ятаган и с ревом схватил Амальрика за горло обеими руками. Огромные черные пальцы сомкнулись как железо. Амальрик тщетно пытался разомкнуть хватку. Гханат прижал его к земле своим чудовищным весом. Он тряс своего не такого массивного противника, как собака треплет крысу. Он со страшной силой бил Амальрика головой о песок. Словно в кровавом тумане Амальрик видел яростное лицо негра, толстые губы, искривленные в свирепой ухмылке ненависти, блестящие зубы.

— Ты хочешь ее, белый пес! — рявкнул гханат, обезумевший от ярости и похоти. — Аррх! Я сверну тебе шею! Я разорву тебе глотку! Я... где мой ятаган? Я отрежу тебе голову и заставлю девку ее целовать!

Последний раз бешено ударив Амальрика головой о плотный, слежавшийся песок, Тилутан в приступе безумной жажды убивать приподнял противника и бросил его оземь. Затем чернокожий вскочил, отбежал, наклонился и поднял свой ятаган с песка — широкий полумесяц стали. Завывая в свирепом возбуждении, он повернулся и бросился на противника, потрясая оружием. Амальрик — оглушенный, потрясенный, едва живой после таких ударов — поднялся ему навстречу.

Пояс Тилутана развязался в драке и теперь конец пояса свисал до земли. Чернокожий запутался в поясе, споткнулся и растянулся на земле, раскинув руки, чтобы не разбить голову. Ятаган вылетел у него из руки.

Амальрик с невероятной быстротой схватил ятаган обеими руками и, пошатнувшись, ступил вперед. У него было темно в глазах. Пустыня плыла у него перед глазами. Он увидел, словно в тумане, как лицо Тилутана исказилось в предчувствии судьбы. Негр широко открыл рот, глаза его закатились, сверкнув белками. Он замер, опираясь на одно колено и одну руку, словно не в силах пошевелиться. Затем ятаган опустился, расколов круглую голову до самого подбородка. У Амальрика осталось смутное впечатление черного лица, которое рассекает красная полоса. Полоса расширяется, и вся картина тонет в сгущающихся сумерках. Затем темнота окончательно сомкнулась вокруг него и увлекла его за собой.

Что-то холодное и мягкое касалось лица Амальрика с нежной настойчивостью. Он слепо пошарил вокруг, и его рука наткнулась на что-то теплое, твердое и упругое. Понемногу к нему вернулось зрение, и он увидел перед собой мягкое овальное лицо, обрамленное роскошными черными волосами. Словно в трансе, он безмолвно смотрел, жадно впитывая все детали: полные алые губы, темно-фиолетовые глаза, кожа цвета алебастра. Внезапно он с удивлением понял, что видение говорит с ним нежным, мелодичным голосом. Слова были незнакомыми, и все же показались ему странно, ускользающе знакомыми. В маленькой белой руке был зажат мокрый обрывок шелка, которым девушка осторожно вытирала его лицо и лоб. Он чувствовал биение пульса с висках. Амальрик неуверенно поднялся и сел.

Была ночь. Ночь под небом, забрызганным звездами. Верблюд продолжал жевать свою жвачку; лошадь беспокойно заржала. Неподалеку лежала скорчившаяся фигура с отрубленной головой, посреди ужасного месива из крови и мозгов.

Амальрик посмотрел на девушку, которая стояла на коленях рядом с ним и говорила что-то на своем мягком неведомом языке. Когда мысли его прояснились, он начал понимать ее. Обратившись к полузабытым языкам, которые он выучил и на которых говорил в прошлом, он вспомнил язык, который учил, будучи студентом в южной провинции Коса.

- Kто... ты... есть, девушка? спросил он медленно, запинаясь. Он сжал ее маленькую руку своими окрепшими пальцами.
- Я Лисса. Имя ее звучало с легким пришептыванием. Словно шорох ручья о гальку. Я рада, что ты пришел в себя. Я боялась, что ты умер.
 - Еще немного, и мне бы не жить, пробормотал он, бросив взгляд на страшную фигуру,

которая недавно была Тилутаном.

Девушка вздрогнула и не стала смотреть в ту сторону. Рука ее задрожала. Они были так близко друг от друга, что Амальрику показалось, что он различает, как забилось ее сердце.

- Это было ужасно, слабо выговорила она. Как страшный сон. Ярость, драка, кровь...
- Могло быть и хуже, буркнул он.

Она, похоже, улавливала малейшие перемены голоса или настроения. Ее свободная рука робко подкралась к его руке.

— Я не хотела обидеть тебя. Это было очень смело с твоей стороны — рискнуть жизнью ради незнакомки. Ты столь же благороден, как северные рыцари, о которых я читала.

Он бросил на нее быстрый взгляд. Ее широко открытые ясные глаза встретились с его глазами. В них отражалась только та мысль, которую она высказала. Амальрик начал говорить, но передумал и сказал не то, что собирался сначала.

- Что ты делаешь в пустыне?
- Я пришла из Гэзела, ответила она. Я... Я убежала. Я больше не могла это выдержать. Но мне было жарко, и одиноко, и я так устала, и я видела только песок, посек, песок, да еще слепящее голубое небо. Песок жег мне ноги, а мои сандалии быстро истрепались. Меня мучила жажда, а фляга с водой слишком быстро опустела. Я решила вернуться в Гэзел, но все направления выглядели одинаково. Я не знала, куда идти. Я страшно испугалась и побежала в том направлении, где, как мне казалось, был Гэзел. После этого я почти ничего не помню. Я бежала до тех пор, пока уже не смогла бежать.

Должно быть, я некоторое время лежала на обжигающем песке. Помню, как я вставала и шла вперед, шатаясь. Под конец мне показалось, что я услышала крик и увидела, как ко мне скачет черный человек на черной лошади. Больше я ничего не помню до тех пор, пока я не очнулась, лежа головой на бедре этого человека, который поил меня вином из фляги. Затем были крики и драка... — Она задрожала. — Когда все кончилось, я подобралась туда, где ты лежал, как мертвый, и постаралась привести тебя в чувство.

— Почему? — спросил он.

Она растерялась.

- Почему? переспросила она. Ну как же... Ты был ранен, и... ну, любой бы на моем месте так поступил. Кроме того, я поняла, что ты дрался, защищая меня от этих чернокожих. Люди в Гэзеле всегда говорили, что черные злы и причинят вред беззащитному человеку.
 - Это касается не только черных, пробормотал Амальрик. Где находится этот Гэзел?
- Где-то недалеко, ответила она. Я шла целый день, и я не знаю, как далеко меня увез чернокожий от того места, где он меня нашел. Но он нашел меня примерно на закате, так что это было недалеко.
 - В каком направлении? спросил Амальрик.
 - Не знаю. Я шла на восток, когда покинула город.
- Город? пробормотал он. На расстоянии дня пути отсюда? Я думал, что вокруг только пустыня на тысячи миль.
- Гэзел расположен посреди пустыни, ответила девушка. Он построен среди пальм в оазисе.

Отстранив девушку, Амальрик поднялся на ноги. Он негромко выругался, пощупав свое горло, кожа на котором была поцарапана и опухла. Он по очереди осмотрел троих чернокожих, и не обнаружил ни в одном из них признаков жизни. Затем он оттащил их одного за другим недалеко в пустыню. Где-то начали тявкать шакалы. Вернувшись к яме с водой, где терпеливо ждала девушка, сидя на корточках, Амальрик выругался: рядом с верблюдом осталась только черная лошадь Тилутана. Остальные лошади порвали свои путы и убежали во время драки.

Амальрик вернулся к девушке и протянул ей пригоршню сушеных фиников. Она жадно набросилась на них, а он сидел и наблюдал за ней. Растущее нетерпение пульсировало в его жилах.

- Почему ты убежала? резко спросил он. Ты рабыня?
- У нас в Гэзеле нет рабов, ответила она. Ах, я устала так устала от вечного однообразия. Я хотела увидеть что-нибудь из внешнего мира. Скажи мне, из какой страны ты пришел?
 - Я родился в западных холмах Аквилонии, ответил он.

Она захлопала в ладоши, как обрадованный ребенок. — Я знаю, где это! Я видела твою страну на картах. Это самая западная страна гиборейцев, и ей правит король Эфей, Машущий мечом.

Амальрик испытал основательное потрясение. Он дернул головой и уставился на девушку.

- Эфей? Но Эфей мертв уже девять сотен лет. Нашего короля зовут Вилерус.
- Ах, конечно, сказала она в замешательстве. Какая я глупая. Разумеется, Эфей был королем девятьсот лет назад, как ты говоришь. Но расскажи мне расскажи мне все о мире!
 - Ну, это не так-то просто! ответил он, не смутившись. Ты не путешествовала?
 - Это первый раз, когда я вышла за стены Гэзела, объявила она.

Амальрик не отводил взгляд от ее округлой белой груди. В настоящий момент его не очень интересовали ее приключения. Этот Гэзел, откуда она пришла, мог быть хоть Адом, Амальрика это мало заботило.

Он начал говорить; затем, переменив намерение, грубо схватил ее в объятия. Мускулы его напряглись, так как он ожидал сопротивления с ее стороны. Но она не противилась. Ее мягкое, податливое тело лежало поперек его коленей, и она смотрела на него снизу вверх с легким удивлением, но без страха и без замешательства. Как будто она была ребенком, которому предложили поиграть в незнакомую игру. Что-то в ее прямом взгляде смутило его. Если бы она кричала, плакала, боролась или знающе улыбнулась, он бы знал, как с ней обращаться.

- Кто ты такая, во имя Митры? грубо спросил он. Твоя кожа нетронута солнцем. Ты не играешь со мной. По твоей речи понятно, что ты не простая деревенская девушка, невинная в своем невежестве. И все же ты ничего не знаешь о мире и о том, как себя в нем ведут.
- Я дочь Гэзела, беспомощно ответила она. Если бы ты увидел Гэзел, быть может, ты бы понял.

Он поднял ее и опустил на песок. Поднявшись, он принес покрывало с седла и расстелил для нее.

- Спи, Лисса, сказал он голосом, хриплым от противоречивых чувств.
- Я хочу завтра увидеть Гэзел.

На рассвете они отправились в западном направлении. Амальрик усадил Лиссу на верблюда, показав ей, как поддерживать равновесие. Она вцепилась в седло обеими руками. Очевидно о верблюдах она тоже ничего не знала. Это снова удивило юного аквилонца. Девушка выросла в пустыне и никогда до сих пор не ездила на верблюде; так же как до вчерашнего дня она не ездила и ее не возили на лошади.

Амальрик смастерил для нее что-то вроде плаща. Она надела плащ без разговоров, не спросив, откуда он взялся — как принимала все, что Амальрик делал для нее, благодарно и слепо, не спрашивая о причинах. Амальрик не сказал ей, что защищающий ее от солнца шелк прежде покрывал черную кожу ее похитителя.

Когда они выступили в путь, она снова попросила его рассказать ей что-нибудь о мире — как ребенок, который просит сказку.

— Я знаю, что Аквилония расположена далеко от этой пустыни, — сказала она. — Между ними лежит Стигия, и земли Шема, и другие страны. Как случилось, что ты здесь, так далеко от родной страны?

Некоторое время он ехал молча. Повод верблюда был в его руке.

— Аргос и Стигия воюют между собой, — резко сказал он. — Кос тоже был впутан в войну. Кос предложил одновременное вторжение в Стигию. Аргос собрал армию наемников, которые сели на корабли и отправились на юг вдоль берега. Одновременно армия Коса должна была вторгнуться в Стигию по суше. Я был наемником в армии Аргоса. Мы встретились со стигийским флотом и победили его, отбросив обратно в Шем. Мы должны были высадиться, ограбить город и продвигаться вверх по Стиксу, но наш адмирал был осторожен. Командовал нами принц Запайо да Кова, зингаранец.

Мы шли на юг, пока не достигли поросших джунглями берегов Куша. Там мы высадились. Корабли стали на якорь, а армия направилась на восток, вдоль границы Стигии. По дороге мы жгли и мародерствовали. Мы собирались повернуть на север в определенной точке и ударить в сердце Стигии, соединившись с силами Коса, которые продвигались вниз с севера.

Затем разошлась весть, что нас предали. Кос заключил сепаратный мир со Стигией. Стигийская армия продвигалась на юг, чтобы перехватить нас. В это время вторая армия уже отрезала нас от берега.

Принц Запайо в отчаянии предпринял безумную попытку направиться на восток, в надежде обогнуть стигийскую границу и добраться до восточных земель Шема. Но армия с севера перехватила нас. Нам пришлось драться.

Мы сражались весь день, разбили их наголову и отбросили назад, в их лагерь. Но на следующий день нас догнала армия с запада. Наша армия оказалась зажатой меж двух врагов и перестала существовать. Мы были разбиты, уничтожены, разгромлены. Бежать удалось немногим. Когда настала ночь, я бежал вместе с моим товарищем, киммерийцем по имени Конан — зверь, а не человек, и силен как бык.

Мы отправились верхом на лошадях на юг, в пустыню, так как больше бежать было некуда. Конан раньше уже бывал в этих краях и считал, что у нас есть шанс выжить. Далеко к югу мы нашли оазис, но за нами гнались стигийские всадники. Мы снова бежали, от оазиса к оазису, мучимые голодом и жаждой, пока не оказались в совершенно пустой незнакомой земле, где не было ничего, кроме нещадно палящего солнца и голого песка. Мы скакали, пока наши лошади не стали спотыкаться, а мы сами были в полубреду.

Затем однажды ночью мы увидели костры и направились к ним. Мы шли на риск в отчаянной надежде, что сможем подружиться с этими людьми. Как только мы приблизились, нас встретил дождь стрел. Лошадь Конана была подстрелена и упала, сбросив своего всадника. Должно быть, он сломал шею, потому что он упал и больше не шевелился. Каким-то образом мне удалось скрыться в темноте, хотя моя лошадь пала подо мной. Я только мельком видел тех, кто атаковал нас — высокие, худые, темнокожие люди, одетые в странные варварские одежды.

Я странствовал пешком по пустыне и наткнулся на этих трех стервятников, которых ты видела вчера. Это были настоящие шакалы — гханаты, люди из племени грабителей, смешанной крови — потомки негров и Митра знает, кого еще. Единственная причина, по которой они меня не убили была в том, что у меня не было ничего, что им хотелось бы заполучить. В течение месяца я бродил и воровал вместе с ними, потому что мне больше ничего не оставалось делать.

- Я не знала, что дела обстоят так, пробормотала она. Говорили, что во внешнем мире царит жестокость, ведутся войны, но это все казалось мне таким далеким, как в сказке. Когда ты рассказал мне о предательстве и битвах, я почти увидела это.
 - На Гэзел никогда не нападали враги? спросил Амальрик.

Девушка покачала головой.

— Люди не приближаются к Гэзелу. Иногда я видела черные точки, которые цепью двигались на горизонте. Старики говорили, что это армии движутся на войну. Но они никогда не подходили близко к Гэзелу.

Амальрик почувствовал смутное беспокойство. Эта пустыня, которая казалась совершенно безжизненной, все же служила местом обитания свирепейших племен: гханатов на востоке; тибу, которые, как он считал, обитали дальше к югу; где-то на юго-западе располагалась полумифическая империя Томбалку, которой правила дикая варварская раса. Казалось странным, что город посредине этой дикой земли все настолько обходили стороной, что одна из его жительниц даже не знала, что такое война.

Амальрик отвернулся. Его одолевали странные мысли. Почему девушка такая белокожая, не загоревшая? Может быть, она демон в человеческом обличье, вышедший из пустыни, чтобы заманить его куда-нибудь и обречь ужасной судьбе? Одного взгляда на нее, по-детски прижавшуюся к седлу, хватило, чтобы развеять подобные мысли. Затем его снова одолели сомнения. Может быть, она его околдовала? Наложила на него чары?

Они постепенно продвигались на запад, остановившись только пожевать фиников и напиться воды в середине дня. Чтобы защитить девушку от палящего солнца, Амальрик устроил скромный навес, использовав свой меч, ножны и покрывала с седел. Измученную ездой на неровно шагающем верблюде девушку пришлось снимать на руках. Когда он вновь почувствовал чувственную сладость ее нежного тела, его охватила пульсация страсти. Он на мгновение застыл в неподвижности, отравленный ее близостью, прежде чем положить ее на землю в тени импровизированного навеса.

Он почти разгневался, когда она прямо встретила его взгляд, когда с невинной покорностью доверила свое юное тело его рукам. Как будто она ничего не знала о вещах, способных причинить ей вред. Ее наивное доверие вызывало в нем стыд и беспомощный гнев.

Когда они ели, Амальрик не чувствовал вкуса фиников, которые жевал. Он пожирал глазами девушку, жадно впитывая все детали ее гибкой юной фигуры. Она, казалось, не осознавала его внимания, словно ребенок. Когда он снова поднимал ее на верблюда, и она инстинктивно обняла его руками за шею, он задрожал. Но он усадил ее в седло, и они продолжили путь.

Почти на закате Лисса показала рукой и воскликнула:

— Смотри! Башни Гэзела!

Он увидел их на краю пустыни — нефритово-зеленые шпили и минареты, вздымающиеся к темносинему небу. Если бы не девушка, он бы решил, что это призрачный город, мираж. Амальрик испытующе глянул на Лиссу. Девушка не проявляла признаков радости, приближаясь к дому. Она вздохнула, и ее плечи поникли.

По мере их приближения детали стали вырисовываться более явно. Прямо из песков пустыни вырастали стены, окружающие башни. И Амальрик увидел, что стены во многих местах раскрошились. Башни тоже были сильно разрушены. Крыши осели; пустыми глазницами черепов смотрели бойницы; шпили накренились. Амальрика охватила паника. Что это — город мертвых, куда он едет, ведомый вампиром? Быстрый взгляд, брошенный им на девушку, рассеял его подозрения. Никакой демон не может скрываться в столь божественно сделанной оболочке. Девушка глянула на него со странным, грустным вопросом во взоре, нерешительно отвернулась в сторону пустыни, а затем с глубоким вздохом повернула голову к городу — словно охваченная безнадежным отчаянием.

Теперь Амальрик видел сквозь бреши в нефритово-зеленой стене движущиеся внутри города фигуры. Никто не приветствовал их, когда они проехали сквозь большой пролом в стене и оказались на широкой улице. Вблизи запустение и разрушение было еще более явным. Лучи заходящего солнца освещали траву, пробивающуюся сквозь разбитую мостовую; маленькие площади все поросли травой. Улицы и дворы были замусорены упавшими камнями. Тут и там руины домов были расчищены, чтобы освободить место для огородов.

Высокие купола разрушились и потеряли цвет. Черными провалами зияли дверные проемы без дверей. Повсюду разрушение наложило свой отпечаток. Затем Амальрик увидел один нетронутый шпиль: сверкающую, красную, цилиндрическую башню. Она поднималась ввысь в крайней юго-восточной точке города и блестела за руинами. Амальрик показал на нее.

- Почему эта башня не так разрушена, как остальные? спросил он. Лисса побледнела, задрожала и судорожно вцепилась в его руку.
 - Не говори о ней! прошептала она. Не смотри туда. Не смей даже думать о ней!

Амальрик нахмурился. То неизвестное, что подразумевалось в словах девушки, каким-то образом изменило для него облик башни. Теперь она казалась ему похожей на головку змеи, поднятую над руинами и запустением. Поток черных точек — летучих мышей — струился из черных отверстий, расположенных высоко в башне.

Юный аквилонец настороженно осмотрелся вокруг. У него не было никакой уверенности, что люди Гэзела встретят его дружелюбно. Он увидел, что люди лениво движутся вдоль улиц. Когда они остановились и посмотрели на него, его кожа без видимой причины покрылась мурашками. То были мужчины и женщины с приятными чертами лиц, выглядели они спокойно и дружелюбно. Их интерес к нему был странно незначительным и смутным. Они не пытались подойти и заговорить. Можно было подумать, что для них самое обыкновенное дело, когда вооруженный всадник из пустыни появляется в городе. Но Амальрик знал, что это не так, и непонятная манера поведения жителей Гэзела по отношению к нему вызывала у него легкую тревогу.

Лисса заговорила с ними, указывая на Амальрика. Она подняла вверх его руку, как мог бы сделать привязавшийся ребенок.

— Это Амальрик из Аквилонии. Он спас меня от черных людей и привез домой.

Среди жителей Гэзела раздалось вежливое приветственное бормотание. Несколько человек подошли, протягивая руки для пожатия. Амальрик подумал, что ему никогда не приходилось видеть такие мягкие, невнятные лица. Взгляд этих людей был рассеянным, мягким, лишенным страха и удивления. Однако их глаза не были глазами глупых баранов; скорее они были глазами людей, погруженных в дремотные мечты.

Их взгляд вызывал у него чувство нереальности происходящего. Он с трудом понимал, что ему говорят. Его мысли были заняты странностью ситуации: эти тихие сонные люди в шелковых туниках и мягких сандалиях, движущиеся медленно и бесцельно среди обесцвеченных развалин. Лотосовый рай иллюзий? Каким-то образом зловещая красная башня вносила дисгармоническую ноту.

Один из мужчин, с гладким, лишенным морщин лицом, но с серебряными волосами, сказал:

- Аквилония? Там было вторжение как мы слышали, туда вторгся король Брагор из Немедии. Как прошла война?
- Его отбросили назад, кратко ответил Амальрик, подавив дрожь. Прошло девять сотен лет с тех пор, как король Брагор вел своих копьеносцев через болота Аквилонии.

Задавший вопрос не стал расспрашивать дальше. Люди постепенно разошлись. Лисса тронула Амальрика за руку. Он повернулся и остановил на ней свой взгляд. В этой обители иллюзий и сна ее нежное, упругое тело послужило якорем для его смятенных мыслей. Девушка не была сновидением, она была реальна, и тело ее было сладким и осязаемым, как мед и сливки.

- Пойдем, сказала она. Отдохнем и поедим.
- А что с этими людьми? пробормотал он. Ты не расскажешь им о том, что с тобой произошло?
- Они не заинтересуются дольше, чем на несколько минут, ответила она. Они чутьчуть послушают и понемногу разойдутся. Они не слишком заметили мое отсутствие. Пойдем!

Амальрик ввел верблюда и лошадь в закрытый двор, где росла высокая трава и вода сочилась из поломанного фонтана в мраморный желоб. Там он привязал животных и последовал за Лиссой. Девушка взяла его за руку и провела через двор к двери в форме арки. Спустилась ночь. В открытом небе над двором сияло множество звезд, на фоне которых рисовались зубчатые шпили.

Лисса шла через вереницу темных комнат, двигаясь с уверенностью долгой практики. Амальрик ощупью пробирался за ней, ведомый ее маленькой рукой, зажатой в его руке. Он нашел это приключение совсем не приятным. Темнота пропахла пылью и запустением. Под его ногами поломанный кафель сменялся истертыми коврами и наоборот. Свободной рукой он касался раскрошившихся арок дверей. Затем сквозь поломанную крышу сверкнули звезды, и он смутно увидел коридор, на стенах которого были сгнившие гобелены. Они покачивались на слабом ветерке и шуршали; их шорох был похож на шепот ведьм и заставлял волосы шевелиться у него на голове.

Затем они оказались в комнате, слабо освещенной светом звезд, проникающим через открытые окна, и Лисса выпустила его руку. Она повозилась некоторое время и зажгла слабый свет. Это был стеклянный шар, которая сияла золотым свечением. Девушка поставила ее на мраморный стол и указала Амальрику на кушетку, покрытую толстым слоем шелковых покрывал. Пошарив в каком-то тайнике, девушка достала золотой сосуд с вином и другие сосуды с пищей, незнакомой Амальрику. Там были, правда, финики, но остальные фрукты и овощи, бледные и пресные на его вкус, он не смог распознать. Вино оказалось приятным на вкус, но не крепче воды.

Сидя на мраморном сидении лицом к нему, Лисса изящно ела.

- Что это за место такое? требовательно спросил Амальрик. Ты похожа на этих людей, но странно отличаешься от них.
- Они говорят, что я такая, как наши предки, ответила Лисса. Давным-давно они пришил в пустыню и построили этот город посреди огромного оазиса, в котором было несколько источников. Камни для города они взяли из руин города, который был гораздо древнее. Только Красная Башня... девушка понизила голос и нервно посмотрела на окна, в которые заглядывали звезды, ...только Красная Башня стояла здесь. Она была пуста. Тогда.

Наши предки, которые назывались гэзейл, когда-то обитали на юге Коса. Они были известны своей научной мудростью. Но они хотели возобновить культ Митры, от которого жители Коса давно отказались, и король выгнал их из страны. Большинство их двинулось на юг: жрецы, ученые, учителя, исследователи, вместе со своими рабами-шемитами.

Они возвели в пустыне Гэзел. Но рабы восстали почти сразу после того, как город был построен. Они бежали и смещались с дикими племенами пустыни. С ними вовсе не плохо обращались; но однажды ночью они узнали нечто, что заставило их сломя голову броситься прочь из города, в пустыню.

Мой народ жил здесь, учился производить пищу и питье теми средствами, которые были под рукой. Они владели чудесными научными знаниями. Когда рабы бежали, они забрали с собой всех лошадей, верблюдов и ослов, которые были в городе. Город потерял всякую связь с внешним миром. В Гэзеле есть целые комнаты, заполненные картами, книгами и хрониками, но всем им не меньше девяти сотен лет, так как именно девятьсот лет назад мой народ бежал из Коса. С тех пор ни один человек из внешнего мира не бывал в Гэзеле. А жители Гэзела постепенно пропадают. Они стали так погружены в собственные мечты и дрему, что у них не осталось человеческих страстей и человеческих привычек. Город превращается в развалины, но никто и пальцем не пошевелит, чтобы что-то восстановить. Ужас... — она запнулась и вздрогнула, — ...когда ужас приходит к ним, они не могут ни бежать, ни сражаться.

— Что ты имеешь в виду? — прошептал он. Холодный ветерок пробежал по его позвоночнику. Шуршание сгнивших гобеленов в неведомых темных коридорах родило смутные страхи в его душе.

Лисса покачала головой. Она встала, обошла мраморный стол и положила руки ему на плечи. Глаза ее были влажными и блестели от ужаса и отчаянной тоски, от которой у Амальрика перехватило горло. Инстинктивно его рука обняла ее тонкую фигурку, и он почувствовал, что она вся дрожит.

— Обними меня! — взмолилась она. — Я боюсь! О, как я мечтала о таком человеке, как ты! Я непохожа на мой народ: они — мертвецы, которые бродят по забытым улицам, но я живая! Я теплая, я чувствую. Я испытываю голод, и жажду, и тягу к жизни. Мне нестерпимы тихие улицы, разрушенные дома и смутные люди Гэзела, хоть я никогда не знала ничего иного. Вот почему я бежала отсюда. Я хотела жизни...

Она, не в силах больше сдерживаться, плакала в его объятиях. Ее волосы струились по его лицу; от ее запаха у него кружилась голова. Ее крепкое тело напряглось. Девушка лежала у Амальрика на коленях, обвив руками его шею. Прижав ее к груди, он прижался губами к ее губам. Глаза, губы, щеки, волосы, шея, груди — он покрывал ее горячими поцелуями, пока ее всхлипывания не превратились во вздохи. Его страсть не была просто восторженным пылом. Страсть, которая дремала в девушке, пробудилась и поднялась всепоглощающей волной. Амальрик задел сияющий золотой шар. Тот упал на пол и погас. Только звездный свет проникал в комнату через окна.

Лежа в объятиях Амальрика на покрытой шелками кушетке, Лисса открыла ему свое сердце

- и шепотом рассказывала свои мечты и надежды детские, трогательные, ужасные.
- Я заберу тебя отсюда, пробормотал он. Завтра. Ты права: Гэзел это город мертвых. Мы найдем жизнь во внешнем мире. Этот мир жестокий, грубый, опасный, но он лучше, чем эта смерть, которая здесь считается жизнью...

Ночь разорвал дрожащий вопль агонии, ужаса и отчаяния. От этого голоса Амальрик покрылся холодным потом. Он вскочил с кушетки, но Лисса отчаянно вцепилась в него.

- Нет, нет! взмолилась она неистовым шепотом. Не ходи! Останься!
- Но там убивают! воскликнул он, нашаривая меч. Крики, казалось, доносились с противоположной стороны внешнего двора. С ними смешивался неописуемый, разрывающий, раздирающий звук. Крики становились громче и выше, непереносимые в своей безнадежной агонии, затем оборвались длинным дрожащим всхлипом.
- Я слышал, как человек умирал на дыбе. Он кричал точно так же! пробормотал Амальрик, трясясь от ужаса. Что за дьявол это сделал?

Лисса дрожала всем телом в лихорадке страха. Он чувствовал, как дико колотится ее сердце.

- Это ужас, о котором я говорила! шепнула она. Ужас, обитающий в Красной Башне. Он появился очень давно; некоторые говорят, что он обитал здесь в древние времена и вернулся после того, как построили Гэзел. Он пожирает человеческие существа. Что он такое, никто не знает, поскольку никто из тех, кто видел его, не остался в живых, чтобы рассказать об этом. Это бог или дьявол. Вот почему бежали рабы; вот почему люди пустыни избегают Гэзела. Многие из нас попали в его чудовищный желудок. В конце концов там окажутся все, и ужас будет властвовать над пустым городом так же как, говорят, он царствовал в руинах прежнего города, из камней которого был построен Гэзел.
 - Почему люди остаются здесь, зная, что будут пожраны? спросил Амальрик.
 - Не знаю, всхлипнула она. Они видят сны...
- Гипноз, пробормотал Амальрик. Гипноз пополам с угасанием. Я видел это в их глазах. Этот дьявол загипнотизировал их. Митра, что за зловонная тайна!

Лисса спрятала лицо у него на груди и прижалась к нему.

- Но что нам делать? спросил он, поеживаясь.
- Ничего сделать нельзя, прошептала она. Твой меч будет бесполезен. Может быть, оно не причинит нам вреда. Сегодня оно уже выбрало жертву. Мы должны ждать своего часа, как ждут овцы ножа мясника.
- Будь я проклят, если я стану!... воскликнул Амальрик, ожив. Мы не станем ждать утра. Мы уйдем сегодня же. Возьми воды и пищи. Я приведу лошадь и верблюда во внешний двор. Встретимся там.

Поскольку неведомое чудовище уже нанесло удар, Амальрик счел безопасным оставить девушку одну на несколько минут. Но тело его покрылось мурашками, когда он пробирался ощупью по изгибающемуся коридору и через темные комнаты, где шептали колышущиеся гобелены. Животные нервно жались друг к другу там, где он их оставил. Лошадь заржала и ткнулась в него мордой, словно чувствуя угрозу в ночной тиши.

Амальрик запряг животных и вывел их через узкое отверстие на улицу. Спустя несколько минут он уже стоял в освещенном светом звезд дворе. Когда он уже был рядом со двором, у него кровь застыла в жилах от чудовищного крика, разорвавшего воздух. Крик донесся из комнаты, где он оставил Лиссу.

Он ответил на этот жалобный крик диким воплем. Выхватив меч, Амальрик ринулся через двор и запрыгнул в окно. Золотой шар снова сиял, обрисовав по углам черные тени. Шелковые покрывала были разбросаны по полу. Мраморная скамья была опрокинута, а комната пуста.

Болезненная слабость охватила Амальрика, и он пошатнулся. Слабо освещенная комната

закачалась у него перед глазами. Затем все чувства смыла волна безумной ярости. Красная Башня! Туда тварь отнесет свою жертву!

Он бросился обратно через двор, на улицу, и помчался к башне, которая светилась нечистым светом под звездами. Улицы не были прямыми. Он срезал углы, пробегая сквозь темные здания и дворы, где высокая трава колыхалась под ночным ветерком.

Перед ним была группа руин, окружающих кроваво-красную башню. Они подверглись большему разрушению, чем остальная часть города. Очевидно было, что здесь никто не живет. Красная башня вздымалась среди этой массы накренившихся каменных стен, проваленных крыш, обрушившихся шпилей, как ядовитый красный цветок, выросший на развалинах покойницкой.

Чтобы добраться до башни, ему придется пересечь руины. Амальрик не раздумывая шагнул к темному силуэту, нашаривая дверь. Вскоре он обнаружил дверь и вошел, держа меч острием перед собой. Его взору предстала такая картина, которую можно увидеть только в фантастическом сне.

Вперед уходил длинный коридор, освещенный слабым нечистым сиянием. Его черные стены были завешены странными, вызывающими дрожь гобеленами. Далеко в глубине коридора Амальрик увидел удаляющуюся фигуру — белую, нагую, сутулую, которая шаркающей походкой тащилась по коридору, волоча за собой что-то, при виде чего он весь покрылся холодным потом от ужаса. Затем видение исчезло из вида, а вместе с ним исчезло жуткое свечение. Амальрик стоял в темноте и тишине, ничего не видя и не слыша. Он не мог думать ни о чем, кроме сутулой фигуры, которая волочила по длинному черному коридору искалеченное человеческое тело.

Когда он направился вперед, ощупью нашаривая дорогу, ему на ум пришло смутное воспоминание. Ему вспомнилась страшная сказка, которую он слышал у гаснущего костра в сделанной в виде черепа дьявольской хижине черного колдуна — история о боге, который живет в кроваво-красном доме посреди развалин города, и во славу которого существуют темные культы в джунглях и по берегам угрюмых, сумеречных рек. И знания этих культов тоже зашевелились в его мозгу — заклинания, которые нашептывались ему на ухо дрожащим голосом, полным благоговейного страха в час, когда ночь затихла, львы перестали рычать близ реки, и даже ветви пальм перестали шуршать.

«Оллам-онга», — шептал темный ветер в коридоре. «Оллам-онга», — шептала пыль под его ногами. Он шел осторожно, крадучись, ничего не видя перед собой. Тело его было покрыто холодным потом, а меч дрожал в руке. Амальрик крался по дому бога, и страх прочно держал его в своей костлявой лапе. «Дом бога» — весь ужас этих слов наполнял его мысли. Все древние страхи, и страхи, которые были древнее древности, которые были раньше, чем возникла первобытная расовая память, терзали его; нечеловеческий, вселенский ужас заставлял его ноги подгибаться от слабости. Осознание того, что он человек, а человек слаб, каменной глыбой легло на Амальрика, который шел по темному дому, дому бога.

Вокруг него появилось мерцание — такое слабое, что оно было едва различимо. Амальрик понял, что приближается к башне. Вскоре он нашупал дверь в виде арки, прошел через нее и споткнулся о ступени странной высоты. Он поднимался по ним все выше, и, по мере того, как он поднимался, в нем росла могучей волной та слепая ярость, которая есть последняя защита человечества против дьявольского, против всех враждебных сил вселенной. Он забыл свой страх. Его сжигало ужасное нетерпение. Амальрик взбирался выше и выше в плотной, пропитанной злом тьме, пока не оказался в комнате, освещенной сверхъестественным золотым сиянием.

В дальнем конце комнаты короткий пролет лестницы с широкими ступенями вел вверх к какому-то возвышению или платформе, на котором стояли каменные предметы утвари. Искалеченные останки жертвы были распростерты на возвышении. Изувеченная рука свисала на ступени. Мраморные ступени были забрызганы кровью. Брызги крови образовали узор, какой

образуют сталактиты вокруг горячего источника. Большая часть пятен были старыми, высохшими, бурого цвета, но несколько были еще красными, влажными и блестящими.

Перед Амальриком у подножия ступени стояла белая нагая фигура. Амальрик остановился. Язык его прилип к небу. Существо, которое стояло перед ним, скрестив могучие руки на алебастрово-белой груди, было во всем подобно человеку. Однако глаза его были шарами сверкающего огня. Странно и жутко смотрелись они в человеческом черепе. В этих глаза Амальрик узрел холодное пламя адских костров и ужасные тени.

Затем белая нагая человеческая фигура начала менять очертания, расплываться. Сделав невероятное усилие, аквилонец сбросил оковы молчания и произнес тайное и страшное заклинание. Когда жуткие слова разбили тишину, белый гигант застыл на месте. Его очертания снова стали четкими и неизменными на фоне золотого сияния.

— Теперь нападай, будь ты проклят! — истерически крикнул Амальрик. — Я привязал тебя к человеческому облику! Черный колдун говорил правду. Слово, которое он мне сказал — могучее заклятие! Нападай, Оллам-онга! Пока ты не сломишь заклятие, пожрав мое сердце, ты всего лишь человек, как я!

С ревом, подобным завыванию черного ветра, тварь бросилась на него. Амальрик отпрыгнул в сторону, избежав хватки рук, которые были сильнее урагана. Только один когтистый палец зацепил его за тунику и содрал с него одежду, как гнилую тряпку. Но Амальрик, который от ужаса происходящего приобрел нечеловеческую быстроту движений, мгновенно развернулся и вонзил меч в спину чудовища, так что острие вышло на фут из широкой груди.

Дьявольский вой агонии потряс башню. Тварь обернулась и бросилась на Амальрика, но юноша отпрыгнул и бросился вверх по ступеням. На возвышении он обернулся, схватил мраморную скамью и бросил ее на ужас, поднимающийся за ним. Массивная скамья ударила дьявола прямо в лицо, и он покатился вниз. Он поднялся — ужасное зрелище, кровь текла рекой — и вновь стал взбираться по ступеням. Амальрик в отчаянии поднял тяжелую нефритовую скамью, застонав от натуги, и бросил ее в чудовище.

От страшного удара Оллам-онга рухнул обратно вниз по лестнице и упал на мраморные плиты, облитые его кровью. Последним отчаянным усилием он приподнялся на руках. Глаза его светились. Запрокинув окровавленную голову, чудовище издало жуткий вопль.

Амальрик задрожал и отпрянул. Страшный крик был услышан; на него ответили. Откуда-то из воздуха над башней слабым эхом донеслись дьявольские вопли. Искалеченная белая фигура упала на окровавленный пол и замерла. Амальрик понял, что один из богов Куша перестал существовать. С этой мыслью пришел слепой, необъяснимый ужас.

В тумане страха Амальрик бросился вниз по ступеням, отшатнувшись от твари, которая пялилась на него мертвыми глазами. Казалось, ночь вопит ему вслед, потрясенная святотатством. Рассудок Амальрика, только что торжествовавший победу, поддался волне вселенского страха.

Оказавшись на верхней площадке лестницы, Амальрик внезапно остановился. Снизу, из темноты, к нему устремилась Лисса, протягивая руки. Ее глаза были озерами ужаса.

— Амальрик!

Крик ее был воплем отчаяния. Амальрик сжал ее в объятиях.

- Я увидела это, прошептала девушка. Оно тащило мертвеца по коридору. Я закричала и убежала. Когда я вернулась, я услышала твой крик и поняла, что ты ушел искать меня в Красной Башне...
 - Й ты пришла разделить мою судьбу.

Он с трудом выговаривал слова.

Лисса попыталась рассмотреть, что там, позади него. Она дрожала от волнения. Амальрик

закрыл ей глаза ладонью и повернул ее обратно. Лучше ей не видеть того, что лежит на залитом кровью полу. Амальрик подхватил свою тунику, но не посмел прикоснуться к мечу. Он наполовину вел, наполовину нес Лиссу вниз по лестнице. Взгляд, брошенный через плечо, сказал ему, что нагая белая фигура больше не лежит среди обломков мрамора. Заклинание привязало Оллам-онга к человеческому облику в жизни, но не в смерти. На мгновение Амальрик ослеп. Затем в страшной спешке он заторопил Лиссу вниз по лестнице и через темные руины.

Он не сбавлял шага, пока они не добрались до улицы, где ждали верблюд и лошадь, прижавшись друг к другу. Амальрик быстро посадил девушку на верблюда и вскочил на лошадь. Взяв повод верблюда, он направился прямиком к пролому в стене. Через несколько минут он облегченно вздохнул. Воздух пустыни охладил его кровь — воздух, свободный от запахов запустения и древности.

С луки его седла свисал небольшой мех с водой. У них не было еды, а его меч остался в Красной Башне. Они были лицом к лицу с пустыней, без оружия и пищи. Но эта опасность казалась не такой страшной, как ужас в городе, который они оставили за собой.

Они ехали молча. Амальрик держал направление на юг. Где-то там была яма с водой. Уже светало. Они поднимались на песчаный холм, и Амальрик оглянулся назад, на Гэзел, нереальный в розовом свете. Он застыл, а Лисса вскрикнула. Из пролома в стене выехали семь всадников. Их скакуны были черными, и сами всадники с ног до головы закутаны в черное.

В Гэзеле не было лошадей. Ужас охватил Амальрика. Он повернулся и погнал их животных вперед.

Солнце стало красным, затем золотым, а затем превратилось в шар белого яростного огня. Беглецы двигались вперед и вперед, едва живые от жары и усталости, полуослепшие от немилосердного сияния солнца. Время от времени они смачивали губы водой. А позади них на том же расстоянии двигались семь черных пятен.

Вечерело. Солнце стало красным и покатилось за край пустыни. Холодная рука сжала сердце Амальрика. Всадники приближались.

Близилась ночь, и близились черные всадники. Амальрик глянул на Лиссу и застонал. Его лошадь споткнулась и упала. Солнце зашло; луну неожиданно закрыла тень в форме летучей мыши. В кромешной тьме звезды засверкали красным. Амальрик услышал позади шорох, который становился все громче, словно шум приближающейся бури. Черный отряд двигался к ним сквозь ночь, в которой мерцали искры жуткого света.

- Скачи, Лисса! отчаянно крикнул он. Беги, спасайся! Им нужен я! Вместо ответа она соскользнула с верблюда и обвила Амальрика руками.
- Я умру вместе с тобой!

Семь черных фигур вырисовались на фоне звезд. Они неслись, как ветер. Из-под копыт вылетали шары дьявольского огня; стучали костяные челюсти.

Внезапно случилось неожиданное. Позади Амальрика из темноты вынырнула лошадь: смутная тень в сверхьестественной тьме. Раздался звук столкновения, когда неизвестный всадник ринулся на преследователей. Дико заржала лошадь, и мощный голос громогласно взревел на чужом языке. Откуда-то из ночной тьмы ответил хор голосов.

Происходили какие-то бурные действия. Стучали копыта лошадей; раздались страшные удары; чей-то зычный голос проревел проклятие. Затем внезапно показалась луна и осветила фантастическую сцену.

Человек верхом на гигантской лошади поворачивался из стороны в сторону, нанося удары мечом, вроде бы по воздуху. С другой стороны хлынула орда всадников. Их кривые сабли блестели в лунном свете. Семь черных фигур исчезли за холмом. Их плащи развевались, как крылья летучих мышей. Амальрика окружила толпа дикарей, которые попрыгали с лошадей и

кинулись к нему. Ему связали руки; свирепые лица с ястребиными чертами уставились на него. Лисса закричала.

Но тут напавшие на него люди были разбросаны направо и налево. Человек на огромной лошади проехал сквозь толпу. Он наклонился, не слезая с седла, и всмотрелся в лицо Амальрика.

- Черт возьми! взревел всадник. Амальрик из Аквилонии!
- Конан! вскричал ошеломленный Амальрик. Конан! Ты жив!
- Похоже, живее тебя, ответил тот. Клянусь Кромом, парень, ты выглядишь так, как будто все дьяволы этой пустыни всю ночь гнались за тобой по пятам. Что это за твари тебя преследовали? Я объезжал вокруг лагерь, который разбили мои ребята, чтобы убедиться, что нигде поблизости не скрываются враги. Вдруг луну задуло, как свечку, и я услышал звуки боя. Я поскакал на звук и, клянусь Мэйчи, я влетел в гущу этих дьяволов прежде, чем успел разобраться, что происходит. В руке у меня был меч, и я стал рубить направо и налево. Кром! Их глаза светились в темноте, как огонь! Я видел, как мой клинок рубит их, но когда луна вышла, они умчались словно дуновение ветра. Кто это были, люди или дьяволы?
- Демоны, посланные из Ада, вздрогнул Амальрик. Не спрашивай меня. Есть вещи, о которых не должно говорить.

Конан не стал дальше расспрашивать его. Впрочем, у него были основания поверить Амальрику на слово. Он верил в существование ночных демонов, привидений, домовых и карликов.

- Ты, конечно, нашел красотку даже в пустыне, заметил он, бросив взгляд на Лиссу. Девушка подобралась к Амальрику и держалась рядом с ним, испуганно глядя на дикие фигуры, окружавшие их.
- Вина! взревел Конан. Принесите сюда фляги! Ну! Он схватил протянутую ему кожаную флягу и сунул ее Амальрику. Дай глоток девушку и сам выпей, посоветовал он. Потом мы посадим вас на коней и отвезем в лагерь. Вам нужны пища, вода и отдых. Это яснее ясного.

Привели богато убранную лошадь. Амальрику помогли взобраться в седло, передали ему девушку, и они направились на юг, окруженные жилистыми темнокожими всадниками, одетыми в пестрые красочные лохмотья. У многих на лице были куски ткани, которые закрывали их лица ниже глаз.

- Кто он? шепнула Лисса, обняв возлюбленного за шею. Она сидела на седле впереди него, и он придерживал ее.
- Конан Киммериец, пробормотал Амальрик. Это с ним я странствовал по пустыне после того, как армия наемников была разбита. А с ним те люди, которые тогда сбили его с лошади. Я оставил его лежать под их копьями, потому что он казался мертвым. Теперь мы встречаем его, и что? Он командует этими людьми и видно, что они его уважают.
 - Он страшный человек, прошептала девушка.

Амальрик улыбнулся.

— Ты до сих пор никогда не видела белокожего варвара. Он скиталец, искатель приключений, наемник, убивающий направо и налево — но у него есть его собственный кодекс чести. Не думаю, что нам нужно чего-либо бояться с его стороны.

В глубине души Амальрик не был в этом так уверен. Можно было счесть, что он предал дружбу Конана, когда ускакал в пустыню, оставив бесчувственного киммерийца лежать на песке. Но он не знал, что Конан жив. Амальрика одолевали сомнения. Киммериец был отчаянно предан товарищам, но его дикая натура не видела ничего худого в том, чтобы со всем остальным миром обходиться так, как ему заблагорассудится. Его средством к существованию был меч. Амальрик подавил дрожь при мысли о том, что может случиться, если Конан пожелает Лиссу.

Позднее, поев и напившись воды в лагере темнокожих всадников, Амальрик уселся у небольшого костра перед палаткой Конана. Лисса, закутанная в шелковый плащ, задремала, положив голову ему на колени. Напротив него пламя костра играло на лице Конана, устраивая чехарду света и теней.

- Кто эти люди? спросил юный аквилонец.
- Всадники Томбалку, ответил киммериец.
- Томбалку! воскликнул Амальрик. Значит, это не миф!
- Отнюдь, ответил Конан. Когда проклятая лошадь пала подо мной, я ударился так, что потерял сознание. Когда я пришел в себя, то обнаружил, что эти дьяволы связали меня по рукам и ногам. Это меня разозлило, и я начал рвать веревки. Но они обвязывали меня с такой же скоростью, с какой я рвал веревки, так что мне никак не удавалось высвободить руку. Однако им показалась удивительной моя сила...

Амальрик, ничего не говоря, уставился на Конана. Варвар был так же высок и широк в плечах, как Тилутан, но у него не было лишнего веса, как у чернокожего. Он смог бы свернуть гханату шею голыми руками.

— Они решили отвезти меня к себе в город вместо того, чтобы прикончить на месте, — продолжал Конан. — Они сочли, что человек вроде меня, если его пытать и мучить, будет умирать долго и доставит им развлечение. Ну, они привязали меня к лошади без седла, и мы направились в Томбалку.

В Томбалку два короля. Они притащили меня показать им. Один из них — тощий темнокожий дьявол по имени Зехбе, второй — огромный толстый негр, который дремал на своем троне из слоновых бивней. Зехбе спросил жреца, которого звали Даура, как поступить со мной. Даура бросил кости, сделанные из овечьих костей, и сказал, что с меня надо содрать живьем кожу перед алтарем Джхила. Все разразились радостными воплями и разбудили королянегра.

Я плюнул на Дауру, осыпал его проклятиями, и королей тоже. Я сказал им, что, если они собрались освежевать меня, то пусть хотя бы дадут мне бурдюк хорошего вина. Я обругал их трусами, ворами и сыновьями шлюх.

При этих словах черный король поднялся, сел и уставился на меня. Потом встал и завопил: «Амра!» Тут я узнал его. Это был Сакумбе, суба с Черного Берега, толстый искатель приключений, которого я знал в те дни, когда был пиратом в этих краях. Тогда он торговал слоновой костью, золотым песком и рабами, и способен был облапошить самого дьявола. Ну, когда старый пройдоха меня узнал, он слез с трона, радостно обнял меня и собственноручно снял с меня веревки. Потом он объявил во всеуслышание, что я Амра, Лев, и его друг, и чтобы никто не вздумал причинить мне вреда.

Была большая перебранка, потому что Зехбе и Даура хотели получить мою шкуру. Но Сакумбе позвал своего колдуна, которого звали Аския, и тот появился — весь увешанный перьями, колокольчиками и змеиными кожами. Колдун с Черного Берега. Если у Дьявола когданибудь был сын, то это он.

Аския попрыгал, наговорил заклинаний и заявил, что Сакумбе избран Аджужо Темным, и тот говорит его устами. Чернокожие Томбалку завопили все как один, и Зехбе пошел на попятную.

Чернокожие в Томбалку имеют большую власть. Несколько столетий назад афаки, шемитская раса, пришла на юг пустыни и основала королевство Томбалку. Они смешались с неграми, жившими в пустыне, и в результате получилась темнокожая раса с прямыми волосами, которая до сих пор скорее белая, чем черная. Они представляют собой господствующую касту в Томбалку. Но их меньшинство, и чернокожий король всегда сидит на троне рядом с правителем-

афаки.

Афаки победили кочевников юго-запада пустыни и негритянские племена степей, лежащих южнее. Большинство из людей в этом лагере, например, это тибу. В них смешалась кровь стигийцев и негров. Остальные — бигхарма, минданга и борни.

Ну вот, Сакумбе, при помощи Аскии — настоящий правитель Томбалку. Афаки поклоняются Джхилу, но чернокожие почитают Аджужо Темного и его род. Аския пришел в Томбалку вместе с Сакумбе и возобновил культ Аджужо, который угасал из-за усилий жрецов афаки. Сам Аския почитает также других богов, невесть каких отвратительных. Он владеет черной магией, которая сильнее колдовства афаки. Чернокожие считают его пророком, которого послали темные боги. Сакумбе и Аския набирают все большую силу, а Зехбе и Даура постепенно сдают позиции.

Поскольку я друг Сакумбе, и Аския поддержал меня, чернокожие приняли меня, как родного. Сакумбе отравил Кордофо, генерала всадников, и отдал мне его место. Чернокожие были в восторге, афаки в ужасе.

Тебе понравится Томбалку! Королевство, словно специально созданное, чтобы его грабили такие, как мы с тобой. Полдюжины сильных клик, которые строят заговоры и интриги одна против другой. Постоянные беспорядки в тавернах и на улицах, тайные убийства, пытки и казни. В Томбалку есть женщины, золото, вино — все, что нужно наемнику! Я в милости и имею власть. Клянусь Кромом, Амальрик, ты не мог выбрать лучшего времени, чтобы появиться! Ну, в чем дело? Похоже, тебя не так привлекает все это, как привлекало раньше.

— Прошу меня простить, Конан, — сказал Амальрик. — Я очень заинтересован, но чересчур устал и хочу спать.

На самом деле аквилонец думал не о женщинах, золоте и вине, а о девушке, что спала у него на коленях. Ему не доставляло радости везти ее в такой вертеп крови и интриг, как описал Конан. С Амальриком произошла перемена, в которой он почти не отдавал себе отчета. Он осторожно сказал:

— Ты сегодня спас нам жизни, за что я вечно буду тебе благодарен. Но я, честно говоря, не заслуживаю твоей щедрости. Ведь я ускакал прочь и оставил тебя в руках афаки. Правда, я считал тебя мертвым, но...

Конан запрокинул голову и рассмеялся громовым смехом. Затем он хлопнул юношу по спине с такой силой, что тот чуть не растянулся на земле.

- Забудь это! Я действительно должен был быть мертв, а если бы ты попытался спасти меня, они бы проткнули тебя копьем, как лягушку. Поедем с нами в Томбалку. От тебя может быть польза! Ты ведь командовал отрядом всадников у Запайо, верно?
 - Ну да.
- Отлично. Мне нужен адъютант, который бы помогал тренировать моих ребят. Они дерутся как черти, но без всякого порядка, каждый за себя. Мы с тобой сможем сделать из них настоящих солдат. Эй вы, еще вина! взревел он.

Они подъезжали к столице Томбалку на третий день после встречи Амальрика с Конаном. Амальрик ехал во главе колонны рядом с Конаном, а рядом с ним на кобыле следовала Лисса. Позади них все остальные вытянулись в двойную линию. Ветер развевал просторные белые одежды; звякала упряжь; скрипели кожаные седла; заходящее солнце сверкало красным на остриях копий. Большинство всадников были тибу, но в отряде были также всадники происхождением из меньших пустынных племен.

Все они кроме своего языка говорили еще на упрощенном диалекте шемитского, который служил общим языком темнокожему народу от Куша до Зимбабве и от Стигии до полумифического черного королевства атлайан далеко на юге. Много веков назад шемитские торговцы во всех направлениях простегали эту обширную область строчками своих торговых путей и вместе с товарами принесли сюда свой язык. Амальрик достаточно знал шемитский, чтобы общаться с этими свирепыми воинами сухих земель.

Когда солнце огромной каплей крови скатилось за горизонт, впереди показался свет. Перед всадниками местность сначала понижалась, образуя пологий склон, затем повышалась. На возвышении располагался город. Его низкие здания были сделаны из серовато-коричневых глиняных кирпичей, так что первое впечатление Амальрика было как от природного образования из земли и камней — беспорядочная груда валунов, овраги, лощины — все вместе мало похоже на город.

У подножия возвышенности поднималась прочная кирпичная стена, над которой были видны верхние части домов. Свет горел на открытом пространстве в центре города. Оттуда же доносился приглушенный расстоянием рев.

— Томбалку, — кратко сказал Конан, затем наклонил голову и прислушался. — Кром! Чтото происходит. Нам лучше поторопиться.

Он пришпорил лошадь. Отряд вслед за ним скатился по склону.

Томбалку располагался на низком холме в форме клина среди широко раскинувшихся рощ пальм и колючих мимоз. С холма была видна лениво текущая река, которая отражала глубокую синеву вечернего неба. За рекой простиралась поросшая травой саванна.

- Что это за река? спросил Амальрик.
- Джелуба, ответил Конан. Она течет отсюда на восток. Некоторые говорят, что она течет по землям Дарфара и Кешана и соединяется со Стиксом; другие что она поворачивает на юг и впадает в Заркхебу. Быть может, когда-нибудь я отправлюсь вдоль по ее течению и посмотрю своими глазами.

Массивные деревянные ворота были открыты, пока отряд не въехал внутрь. По узким, кривым улицам города двигались фигуры, закутанные в белое. Всадники, скачущие позади троих белых, выкрикивали приветствия знакомым и на ходу хвастались своими успехами.

Повернувшись в седле, Конан резким тоном отдал приказ темнокожему воину, чтобы тот вел отряд в казармы. Сам киммериец, за которым следовали Амальрик и Лисса, направился к центральной площади.

Томбалку просыпался от полуденной дремы. Повсюду закутанные в белое темнокожие фигуры тащились по сыпучему песку улиц. Амальрик был поражен неожиданными размерами этой пустынной метрополии и дикой смесью варварства и цивилизованности, которая была заметна повсюду. В обширных дворах храмов на расстоянии нескольких ярдов друг от друга разрисованные красками и украшенные перьями знахари подпрыгивали и раскидывали

священные кости, сумрачные жрецы повествовали мифы своей расы, а сумрачные философы обсуждали природу человека и богов.

По мере того, как три всадника приближались к центральной площади, они встречали все больше жителей города, которые торопились туда же. Улицы ближе к площади были забиты народом, и Конан зычным голосом расчищал дорогу для лошадей.

Они спешились на краю площади, и Конан бросил поводья первому попавшемуся человеку из толпы. Киммериец стал проталкиваться к тронам на противоположной стороне площади. Лисса повисла на руке Амальрика, который протискивался сквозь толпу вслед за Конаном.

Перед троном подразделение чернокожих копьеносцев оцепило большой квадрат, отгородив пустую площадку. Свет костров, горящих по углам квадрата, высвечивал большие овальные щиты воинов, обтянутые слоновьими шкурами, страусовые перья и львиные гривы их головных уборов. Белки глаз и зубы воинов сверкали белизной на фоне блестящих черных лиц.

В центре пустого квадрата был столб, а к столбу был привязан человек. Этот человек, на котором была только набедренная повязка, был коренастым, мускулистым, темнокожим, с тяжелыми чертами лица. Он напрягал тело, пытаясь порвать веревки. Перед ним плясала тощая фантастическая фигура. Этот второй был чернокожим, но тело его почти целиком было разрисовано красками. Его бритая голова была раскрашена так, чтобы походить на череп. Надетые на нем перья и обезьяньи шкуры болтались при прыжках в разные стороны. Он танцевал перед маленьким треножником, под которым горел огонь и от которого поднималась вверх тонкая струйка цветного дыма.

Позади столба, за одной из сторон пустого квадрата возвышались два трона из оштукатуренного и разрисованного кирпича, украшенные кусочками цветного стекла, с подлокотниками, сделанными из цельных слоновьих бивней. Оба трона стояли на одном возвышении, к которому вели несколько ступеней. На правом, с точки зрения Амальрика, троне развалился огромный толстый негр. Он был одет в длинную белую робу. На голове у него был замысловатый головной убор, в который входили в числе прочего львиный череп и несколько страусовых перьев.

Второй трон был пуст. Тот, кто должен был его занимать, стоял рядом с первым троном. Это был худой темнокожий человек с ястребиными чертами лица. Он был одет в такое же белое одеяние, но на голове у него вместо головного убора из перьев и костей был украшенный драгоценными камнями тюрбан. Он что-то кричал негру, размахивая кулаками. Группа стражников у трона, неловко переминаясь с ноги на ногу, наблюдала, как ссорятся их короли. Когда Амальрик, следуя за Конаном, подошел поближе, он расслышал слова худого человека:

— Ты лжешь! Аския сам послал этих змей, чтобы иметь предлог убить Дауру! Если ты не прекратишь этот фарс, будет война! Мы перебьем вас, черные захватчики, одного за другим! — его голос поднялся до крика. — Делай, как я сказал! Останови Аскию, иначе, клянусь Джхилом Безжалостным...

Он потянулся за ятаганом. Стражники вокруг трона подняли копья. Толстый негр только рассмеялся в лицо разъяренному второму королю.

Конан, протолкавшись через линию копьеносцев, взбежал по кирпичным ступеням на тронное возвышение и бросился между двумя монархами.

— Лучше убери руку с оружия, Зехбе, — проворчал он и повернулся к другому. — Что происходит, Сакумбе?

Чернокожий король хихикнул.

— Даура решил избавиться от меня, послав кучу змей. Ффу! Виперы в моей постели, гадюки в одеждах, мамбы падают с потолка. Три моих женщины умерли от их укусов, не считая нескольких рабов и слуг. Аския узнал у богов, что это дело рук Дауры, и мои люди застигли его

врасплох в разгар колдовства. Смотри туда, генерал Конан. Аския только что зарезал козу. Его демоны вот-вот будут здесь.

Проследив взгляд Конана, Амальрик посмотрел на пустую площадку. Перед столбом, к которому была привязана жертва, истекала кровью зарезанная коза. Аския приближался к высшей точке своих заклинаний. Его голос сорвался в визг. Он скакал, как безумный, разбрасывая свои колдовские кости. Дым, курящийся из треножника, стал гуще, заклубился и засиял призрачным свечением.

Тем временем наступила ночь. Звезды ярко сияли в чистом воздухе над пустыней. Теперь же они стали тускло-красными; словно кровавая вуаль закрыла лик восходящей луны. Пламя костров стало ниже и сделалось багровым. Вдруг с неба донеслись хриплые звуки слов, сказанных на нечеловеческом языке. Раздался звук, похожий на хлопанье кожистых крыльев.

Аския выпрямился и стоял неподвижно, с распростертыми руками, откинув назад увенчанную перьями голову, и продолжал читать длинное заклинание из незнакомых слов. Волосы Амальрика встали дыбом, ибо в потоке бессмысленных слогов он уловил трижды повторенное имя «Оллам-онга».

Внезапно Даура закричал так громко, что перекрыл голос Аскии. В мерцающем свете костров, с которым мешалось жуткое свечение, исходящее от треножника и искажающее картину, Амальрик не был в точности уверен, что он видел. Похоже, что-то происходило с Даурой. Он кричал и вырывался.

Вокруг основания столба, к которому был привязан колдун, появилась и растекалась все шире лужа крови. Чудовищные раны покрыли тело Дауры, хотя совершенно не было видно, что или кто их причиняет. Его крики перешли в слабое всхлипывание и затихли, хотя тело его продолжало дергаться на веревках, словно кто-то невидимый терзал его. В темной массе, которая недавно была человеком, блеснуло что-то белое, затем еще и еще. Амальрик в неописуемом ужасе понял, что это обнажаются кости...

К луне вернулось ее серебристое сияние. Звезды снова засверкали драгоценными камнями. Пламя костров по углам площадки взметнулось кверху. Яркий свет озарил скелет, все еще привязанный к столбу, вокруг которого расплылась лужа крови. Король Сакумбе произнес глубоким мелодичным голосом:

— Ну вот, с негодяем Даурой покончено. Что касается Зехбе... Клянусь носом Аджужо, где этот мерзавец?

Зехбе исчез, пока все взоры были прикованы к разыгрывавшейся на площади драме.

— Конан, — сказал Сакумбе, — вызови-ка войска. Не думаю, что мой братец-король не захочет поучаствовать в событиях этой ночи.

Конан вытащил вперед Амальрика.

- Король Сакумбе, это аквилонец Амальрик, мой товарищ по армии. Он мне нужен как адъютант. Амальрик, тебе и твоей девушке лучше остаться с королем, потому что ты не знаешь города, и тебя только понапрасну убьют, если ты попытаешься участвовать в предстоящем сражении.
- Рад встретиться с другом могучего Амры, сказал Сакумбе. Запиши его на довольствие, Конан, и... Деркето! Негодяй не терял ни минуты. Смотри!

На противоположной стороне площади возник шум. Конан одним гигантским прыжком соскочил с тронного помоста и принялся выкрикивать приказы командирам подразделений чернокожих воинов. Связные побежали выполнять поручения. Где-то начали гулко и глухо бить барабаны.

На другой стороне площади появился отряд закутанных в белое всадников. Они потрясали копьями и размахивали ятаганами, наступая на толпу чернокожих. Линии черных копьеносцев,

прежде чем быть уничтоженными, сбились в бесформенные кучи. Один за другим они падали под ударами сверкающей стали. Телохранители короля Сакумбе сгрудились вокруг возвышения с двумя тронами, один из которых был пуст, а второй занят массивной тушей Сакумбе.

Лисса, дрожа, вцепилась в руку Амальрика.

- Кто с кем бьется? прошептала она.
- Вон те, надо полагать, афаки Зехбе, ответил Амальрик. Они собираются убить черного короля и сделать Зехбе единственным правителем.
- Они не прорвутся к трону? спросила она, указывая на отряд, пробивающий себе дорогу через площадь.

Амальрик пожал плечами и бросил взгляд на Сакумбе. Чернокожий король, как ни в чем ни бывало, сидел развалясь на троне. Он поднес к губам золотую чашу и хлебнул вина. Кивнув Амальрику, он протянул ему такую же чашу.

— Ты, должно быть, хочешь пить, белый человек. Ты проделал долгий путь и не успел ни отдохнуть, ни освежиться, — сказал он. — Выпей вина!

Амальрик поделился вином с Лиссой. На противоположной стороне площади ржание лошадей, лязг оружия и крики раненых смешивались в дьявольский шум. Повысив голос, чтобы его расслышали, Амальрик сказал:

- Ваше Величество, вы совершенно не выказываете тревоги. Вы или очень храбрый человек, или... Амальрик прикусил язык и не закончил фразу.
 - Или очень глупый, ты хочешь сказать? мелодично рассмеялся король.
- Нет. Я всего лишь трезво смотрю на вещи. Я слишком толст, чтобы обогнать быстроногого пешего воина, а тем более всадника. Значит, если я побегу, мои люди закричат, что все потеряно и бросятся бежать, а меня схватят преследователи. Тогда как если я останусь здесь, есть неплохой шанс, что... Ага, вот они!

На площади появилось еще некоторое количество чернокожих солдат. Они вступили в сражение. Конница афаки стала проигрывать. Лошади, пронзенные копьями, дико ржали и падали, придавливая всадников. Сильные черные руки стаскивали всадников с лошадей. Дротики выбивали их из седел. Вскоре хрипло затрубили трубы; оставшиеся в живых афаки развернули лошадей и галопом ускакали с площади. Шум постепенно затихал.

Настала тишина, если не считать стонов раненых, которые во множестве лежали на вымощенной плитами площади. Чернокожие женщины выбежали из боковых улиц искать своих мужей среди павших — унести их домой, если живы, или оплакать, если мертвы.

Сакумбе спокойно сидел на троне и пил вино, пока не появился Конан с окровавленным мечом в руке во главе отряда чернокожих офицеров. Они пересекли площадь и приблизились к тронному возвышению.

- Зехбе и большая часть его афаки бежали, сказал Конан. Мне пришлось расколоть пару черепов твоим ребятам, чтобы не дать им вырезать всех женщин и детей афаки. Они нам еще могут понадобиться как заложники.
 - Отлично, сказал Сакумбе. Выпей вина.
- Хорошая идея, сказал Конан и принялся пить большими глотками. Затем он перевел взгляд на пустой трон рядом с Сакумбе. Черный король проследил его взгляд и ухмыльнулся.
 - Hy? сказал Конан. Так как? Пустишь меня сесть рядом? Сакумбе хихикнул.
 - Ты не изменился. Куешь железо, пока горячо.

Дальше король заговорил на языке, которого Амальрик не знал. Конан пробурчал что-то в ответ, и они продолжали обмениваться репликами на незнакомом языке. Аския взобрался по ступеням на тронное возвышение и присоединился к разговору. Он говорил неистово, бросая

хмурые и подозрительные взгляды на Конана и Амальрика.

Наконец Сакумбе одним резким словом заставил колдуна замолчать и поднял свою тяжелую тушу с трона.

— Люди Томбалку! — воззвал он.

Все, кто был на площади, повернулись к трону. Сакумбе продолжал:

— Коварный предатель Зехбе бежал из города. Теперь один из двух тронов Томбалку пуст. Вы все знаете, какой могучий воин Конан. Вы согласны, чтобы он был вторым королем?

Наступила тишина. Потом раздалось несколько криков одобрения. Амальрик заметил, что кричали всадники тибу, которых Конан возглавлял лично. Крики слились в одобрительный рев. Сакумбе подтолкнул Конана к свободному трону. Толпа разразилась восторженным воплем. На площади, с которой уже унесли убитых и раненых, заново разожгли костры. Снова зазвучали барабаны. На этот раз барабанный бой знаменовал не начало войны, а празднество на всю ночь.

Через несколько часов, шатаясь от выпитого и усталости и поддерживая Лиссу, Амальрик брел по улицам Томбалку. Конан вел их к скромному дому, который он нашел для них. Прежде чем расстаться, Амальрик спросил Конана:

— О чем ты говорил с Сакумбе на незнакомом мне языке перед тем, как он возвел тебя на трон?

Глубоко в горле Конана заклокотал смех.

- Мы говорили на прибрежном диалекте, которого здесь не понимают. Сакумбе говорил мне, что мы с ним будем хорошими соправителями, если только я не буду забывать про цвет своей кожи.
 - Что он этим хотел сказать?
- Что у меня ничего не выйдет, если я попытаюсь устроить заговор, чтобы лишить его власти, потому что чернокожие сейчас в большинстве, а они никогда не пойдут за белым королем.
 - Почему?
- Думаю, потому, что их слишком часто убивали, грабили и захватывали в рабство банды белых из Стигии и Шема.
 - А что говорил колдун, Аския? О чем он спорил с Сакумбе?
- Он предостерегал короля против нас. Он утверждал, что духи сказали ему, будто мы станем причиной бедствий и разрушения Томбалку. Но Сакумбе заткнул ему рот, сказав, что он отлично знает меня и верит мне больше, чем всяким лекарям. Конан зевнул, как сонный лев. Уложи-ка свою милашку в постель, не то она заснет стоя.
 - A ты что?
 - Я? Я возвращаюсь. Праздник только начался!

Месяц спустя Амальрик, покрытый потом и пылью, сидел на лошади и наблюдал, как мимо проходят его эскадроны в последнем мощном броске. Все утро, и много раз до этого, он муштровал их снова и снова, прививая им основы тактики цивилизованной кавалерии: «Вперед, шагом!», «Вперед, трусцой!», «Вперед, галопом!», «В атаку! Поворот!», «Отступать!», «Сомкнуться!», «Вперед, шагом!». И так далее, снова и снова.

Хотя их маневры все еще были угловатыми, темнокожие ястребы пустыни учились быстро. Сначала они все хмурились и ворчали по поводу этих странных чужеземных методов войны. Но Амальрик, поддерживаемый Конаном, преодолел сопротивление, сочетая строгую дисциплину с непоколебимой справедливостью. Теперь он создавал мощнейшую военную силу.

— Дай сигнал «построиться в колонны», — сказал он стоящему рядом трубачу.

При звуках трубы всадники взялись за поводья и, ругаясь и толкая друг друга, выстроились в колонну. Они трусцой направились обратно под защиту стен Томбалку — мимо полей, где полуголые крестьянки прекращали работу и смотрели на них, опершись на мотыги.

Вернувшись в Томбалку, Амальрик проводил отряд до кавалерийских конюшен и повернул домой. Приближаясь к дому, он с удивлением увидел Аскию, колдуна. Тот стоял перед домом и разговаривал с Лиссой. Служанка Лиссы, женщина суба, стояла в двери и слушала их разговор.

- В чем дело, Аския? спросил Амальрик не слишком дружелюбно. Что ты здесь делаешь?
 - Я берегу благополучие Томбалку. Для этого мне иногда приходится задавать вопросы.
 - Мне не нравится, когда посторонние расспрашивают мою жену в отсутствие меня.

Аския улыбнулся кривой неприятной улыбкой.

— Судьба города важнее, чем твои предпочтения, белый человек. Прощай. Всего тебе хорошего — до нашей следующей встречи.

Колдун убрался восвояси. Страусовые перья покачивались при каждом его шаге. Амальрик, нахмурившись, последовал за Лиссой в дом.

- О чем он тебя расспрашивал? спросил Амальрик.
- Ах, о моей жизни в Гэзеле и о том, как я тебя встретила.
- Что ты ему рассказала?
- Я рассказала ему, какой ты герой, и как ты убил бога из Красной Башни.

Амальрик нахмурился, размышляя.

- Лучше бы ты этого не рассказывала. Не знаю, почему я в этом так уверен, но я чувствую, что Аския собирается причинить нам неприятности. Я должен тотчас пойти поговорить об этом с Конаном... Лисса, ты что, плачешь?
 - Я... Я так счастлива!
 - Почему?
 - Ты назвал меня своей женой! Она обвила руками его шею и осыпала его ласками.
 - Ну, ну, сказал он. Мне давно следовало сделать это.
 - Мы должны устроить свадебный ужин, сегодня же!
 - Разумеется! Но сейчас я должен увидеть Конана...
- Ах, это подождет! Кроме того, ты устал, тебе нужно искупаться. Сначала поешь и отдохни, прежде чем говорить с этим ужасным человеком!

Рассудок говорил Амальрику, что нужно пойти к Конану немедленно. Но он опасался этой встречи. Хотя он был уверен, что Аския готовит против него какие-то враждебные действия, он

не мог предъявить колдуну никакого явного обвинения. В конце концов он позволил Лиссе уговорить себя. Последовали трапеза, и купание, и занятия любовью, и сон... В общем, когда Амальрик направился во дворец, солнце уже было низко над горизонтом.

Дворец короля Сакумбе был большим зданием — как все дома в Томбалку, построенным из глиняного кирпича серовато-коричневого цвета — рядом с центральной площадью. Телохранители Сакумбе, которые знали Амальрика, быстро пропустили его внутрь. Тонкие пластины расплющенного золота закрывали кирпичные стены и ослепительно отсвечивали в красноватых лучах заходящего солнца. Амальрик пересел большой внутренний двор, в котором толпились жены и дети короля, и оказался в личных апартаментах Сакумбе.

Он обнаружил там обоих королей Томбалку, черного и белого. Они растянулись на грудах подушек на толстом бахарийском ковре, который покрывал мозаичный пол. Перед каждым был столбик золотых монет разных стран, а у локтя стояла большая чаша с вином. Раб с кувшином был готов наполнить опустевшие чаши.

У обоих были опухшие и красные глаза. Короли явно пили давно и основательно. На ковре между ними лежала пара костей.

Амальрик поклонился, соблюдая этикет.

— Государи мои...

Конан обратил на него затуманенный взгляд. На нем был украшенный драгоценными камнями тюрбан вроде того, который носил Зехбе.

- Амальрик! Падай на подушки и сыграй с нами. Тебе наверняка повезет больше, чем мне. Мне сегодня не везет чертовски!
 - Государь мой, я никак не могу...
- A, к черту эти штучки! Вот тебе ставка. Конан схватил пригоршню монет из своего столбика и подвинул к Амальрику.

Амальрик опустился на пол. Конан, как будто его внезапно осенила мысль, остро глянул на Сакумбе.

- Вот что я тебе скажу, брат король, сказал он. Каждый сделает по одному броску. Если я выиграю, ты прикажешь армии выступить против короля Куша.
 - А если выиграю я? спросил Сакумбе.
 - Тогда поход не состоится, как ты того и желаешь.

Сакумбе хихикнул и покачал головой.

— Нет, брат-король, меня так просто не надуешь. Когда мы будем готовы, тогда и выступим в поход, не раньше.

Конан ударил кулаком по ковру.

— Что с тобой стряслось, Сакумбе, черт тебя побери?! Ты не тот, каким был в прежние дни. Тогда ты был готов ввязаться в любую авантюру. Теперь тебя ничего не волнует, кроме еды, вина и женщин. Что тебя переменило?

Сакумбе икнул.

- В прежние дни, брат король, я хотел быть королем, чтобы у меня было множество людей, исполняющих мои приказы, много вина, женщин и еды. Теперь у меня все это есть. Зачем мне рисковать этим в бессмысленных авантюрах?
- Но мы должны расширить наши границы до Западного Океана, должны получить контроль над торговыми путями, идущими с берега. Ты знаешь не хуже меня, что благополучие Томбалку зависит от контроля над торговыми путями.
 - А когда мы победим короля Куша и достигнем моря, что дальше?
 - Как что? Мы повернем наши армии на восток, чтобы покорить племена гханатов и

прекратить их набеги.
— А потом ты наверняка захочешь пойти с войной на север или на юг, и так без конца. Скажи мне, Конан: допустим, мы победили все народы на тысячу миль вокруг Томбалку и

Конан зевнул и потянулся.

— Ну, я думаю, наслаждаться жизнью. Одеться в золото, пировать и охотиться весь день, пить и любить всю ночь. В оставшееся время мы можем рассказывать друг другу небылицы о наших приключениях.

Сакумбе снова рассмеялся.

— Если это то, к чему ты стремишься, так мы и сейчас заняты тем же! Если тебе нужно больше золота, или еды, или вина, или женщин, скажи мне, и у тебя это будет!

Конан покачал головой, проворчал что-то неслышное и озадаченно нахмурился. Сакумбе обернулся к Амальрику.

— Ты, мой юный друг, пришел сюда что-то нам сказать?

собрали богатства большие, чем у королей Стигии. Что тогда?

- Господин мой, я пришел просить государя Конана посетить мой дом и подтвердить мой брак с моей женщиной. Потом я хотел просить его оказать мне уважение и остаться на скромный ужин.
- Скромный ужин? сказал Сакумбе. Ничего подобного, клянусь носом Аджужо! Мы устроим роскошный пир, с зажаренными целиком быками, реками вина, барабанами и танцами. Что скажешь, брат король?

Конан рыгнул и ухмыльнулся.

- Согласен с тобой, брат король. Мы устроим Амальрику такой свадебный пир, что он после него три дня не проснется!
- У меня есть еще одно дело, сказал Амальрик, слегка напуганный перспективой празднования, которое собирались устроить эти варварские короли, но не зная, как отказаться.

Он рассказал, что Аския расспрашивал Лиссу. Когда он закончил, оба короля нахмурились. Сакумбе сказал:

— Не бойся Аскии, Амальрик. За всеми колдунами надо приглядывать, но этот — мой верный слуга. Да что там, без его колдовства...

Сакумбе не договорил и перевел взгляд на дверь:

— Что там?

Телохранитель, появившийся на пороге, сказал:

- О короли, разведчик из всадников тибу хочет говорить с вами.
- Пусть войдет, велел Конан.

Тощий чернокожий в драных белых одеждах вошел и простерся ниц. Когда он упал на живот, от его одежд поднялась туча пыли.

— Государи мои! — задыхаясь, выговорил он. — Зехбе и афаки выступили на нас. Я увидел их вчера в оазисе Кидесса и скакал всю ночь, чтобы доставить весть.

Конан и Сакумбе, оба мгновенно протрезвев, вскочили на ноги. Конан сказал:

— Брат король, это значит, что Зехбе может быть здесь утром. Прикажи барабанам бить сбор.

Пока Сакумбе вызывал офицера и отдавал приказ, Конан повернулся к Амальрику.

- Как ты думаешь, ты со своими всадниками сможешь напасть на афаки врасплох по дороге сюда и разбить их?
- Может, и смогу, осторожно ответил Амальрик. У них будет численный перевес, но я знаю овраги к северу, которые подойдут для засады...

Часом позже, когда солнце уже скрылось за серо-коричневыми кирпичными стенами Томбалку, Конан и Сакумбе заняли места на тронах, возвышающихся над площадью. Барабаны грохотали, созывая войска на сбор. Чернокожие воины прибывали на площадь. Зажгли костры. Украшенные перьями офицеры выстраивали воинов в линии и проверяли наконечники копий, чтобы убедиться, что те достаточно остры.

Амальрик на лошади пересек площадь, чтобы отрапортовать королям, что его всадники будут готовы выступить в полночь. Мысли его были заняты планами и стратегическими вопросами. Если афаки не побегут при первой атаке, следует ли прекращать сражение и отступать, чтобы потом напасть на них, когда они спешатся для штурма стен Томбалку...

Он поднялся по ступеням на возвышение, где сидели короли, окруженные чернокожими офицерами, которым они отдавали приказы.

— Государи мои... — начал он.

Его слова были прерваны диким воплем. Рядом с троном появился Аския, вопя и указывая на Амальрика.

— Вот он! — заверещал колдун. — Человек, который убил бога! Человек, который убил одного из моих богов!

Негры, окружающие трон, обратили к колдуну изумленные лица. В свете костров белки их глаз сверкали белым на фоне темных лиц. В выражении их лиц благоговейный ужас смешался со страхом перед Амальриком. Они явно не представляли, как человек может убить бога. Тот, кто совершил такое, наверняка сам отчасти бог.

- Какое наказание может быть достаточным тому, кто совершил такое святотатство? продолжал Аския. Я требую, чтобы убийца Оллам-онга и его девка были отданы мне для пыток! Боги, я заставлю их испытать такую боль, которой ни один смертный не испытывал в течение тысячелетий...
- Заткнись! взревел Конан. Если Амальрик прикончил тварь из Гэзела, мир стал только лучше от этого! Теперь пошел прочь отсюда и не мешай нам. Мы заняты делом.
 - Но, Конан... сказал Сакумбе.
- Эти белокожие дьяволы всегда заодно! завопил Аския. Ты все еще король, Сакумбе, или нет? Если да, то прикажи схватить их и связать! Если ты не знаешь, что с ними сделать...
 - Ну... сказал Сакумбе.
- Послушай! крикнул Конан. Если Гэзелу больше не угрожает этот так называемый бог, мы можем захватить город, заставить его людей работать на нас и научить нас их наукам. Но сначала прогони эту ведьму, пока я не прошелся по нему мечом!
 - Я требую... возопил Аския.
- Прогони его! взревел киммериец, кладя руку на рукоять меча. Клянусь Кромом, неужели ты думаешь, что я отдам такого старого товарища, как Амальрик, на растерзание головорезу, поклоняющемуся дьяволам?

Сакумбе наконец выпрямился и принял величественную позу.

- Уйди, Аския, сказал он. Амальрик хороший воин, и ты его не получишь. Лучше займись колдовством, чтобы победить Зехбе.
 - Но я...
 - Иди!!

Король взмахнул толстой рукой. Аския взвился от ярости.

— Хорошо, я уйду! — крикнул он. — Но вы еще услышите обо мне, вы двое!

И знахарь бросился прочь.

Амальрик доложил королям о своих всадниках тибу. Постоянно приходили и уходили посыльные, офицеры докладывали о готовности своих подразделений, так что прошло некоторое время, пока он изложил весь свой план. Конан сделал несколько замечаний и сказал:

- По-моему, неплохо. А, Сакумбе?
- Если тебе нравится, брат король, значит это хороший план. Ступай, Амальрик и собери всадников... Аааа! Внезапно Сакумбе испустил ужасный вопль. Глаза его вылезли на лоб. Он рухнул с трона, схватившись руками за горло. Я горю!!! Спасите меня!

С телом Сакумбе происходило нечто ужасное. Хотя не было видно огня и не чувствовалось жара, он действительно горел — горел, как если бы был привязан к столбу над горящими факелами. Его кожа вздулась волдырями, обуглилась и полопалась. Воздух наполнился вонью горелого мяса.

— Лейте воду на него! — крикнул Амальрик. — Или вино! Все, что есть!

Вопль за воплем вырывался из истерзанной глотки черного короля. Кто-то вылил на него целый ковш воды. Раздалось шипение, повалил пар, но король продолжал кричать.

— Кром и Иштар! — вскричал Конан, яростно оглядываясь. — Мне нужно было убить этого пляшущего дьявола, пока он был здесь!

Вопли стали тише и прекратились. Останки короля — скрюченное, бесформенное тело, ничем не напоминающее живого Сакумбе — лежали на тронном возвышении посреди лужи вытопившегося человеческого жира. Одни офицеры бежали в панике, другие простерлись ниц, призывая своих разнообразных богов.

Конан схватил Амальрика за руку, чуть не сломав ее.

— Нужно выбираться отсюда, и побыстрее, — сказал он тихим и напряженным голосом. — Пошли!

Амальрик не сомневался, что Конану хорошо известно, что им грозит. Он последовал за Конаном вниз по ступеням. На площади царил полнейший беспорядок. Украшенные перьями воины метались, вопили и размахивали руками. Тут и там среди них завязались стычки.

— Умри, убийца Кордофо! — перекрыл шум чей-то голос. Прямо перед Конаном вырос высокий темнокожий человек, размахнулся и бросил в него дротик. Только невероятная быстрота реакции варвара спасла Конана. Киммериец увернулся и присел, так что оружие просвистело над ним, пролетело на волосок от головы Амальрика и угодило в другого воина.

Нападавший снова размахнулся, чтобы бросить еще один дротик. Но прежде чем он успел это сделать, Конан выхватил меч из ножен. Меч сверкнул в свете костров, описал арку и поразил цель. Томбалканский воин упал на землю, разрубленный от плеча до середины груди.

— Бежим! — заорал Конан.

Амальрик побежал, расталкивая клубящуюся на площади толпу. Люди кричали и показывали на них. Некоторые бросились вдогонку.

Сердце Амальрика бешено колотились, он судорожно хватал легкими воздух. Они с Конаном бежали по улице. Позади них раздавались крики погони. Улица сузилась и повернула. Конан, который бежал впереди Амальрика, неожиданно исчез.

— Сюда, быстро! — послышался голос киммерийца. Он забился в простенок шириной в ярд между двумя кирпичными домами.

Амальрик протиснулся туда же и стоял тихо, хватая ртом воздух, пока погоня не промчалась мимо.

— Еще родня Кордофо, — пробормотал киммериец из темноты. — Они точили на меня копья с тех пор, как Сакумбе избавился от Кордофо.

- Что нам делать теперь? спросил Амальрик.
- Конан поднял голову к узкой полоске неба со звездами над ними.
- Думаю, мы сможем взобраться на крышу, сказал он.
- Как?
- Тем же способом, каким я взбирался на скалы в Киммерии, когда был юнцом. Ну-ка, подержи эту палку.

Конан передал Амальрику дротик, и Амальрик понял, что Конан забрал оружие у убитого им воина. У дротика был острый наконечник длиной в целый ярд, из мягкого железа, заточенного так, что острие сходило на нет. На противоположном конце железная болванка уравновешивала наконечник, так что оружие было удобно метать.

Конан что-то пробурчал, уперся спиной в одну стену, а ногами в противоположную, и начал медленно продвигаться вверх. Вскоре он превратился в черный силуэт на фоне звезд, а затем исчез. Сверху раздался его приглушенный голос:

— Давай сюда дротик и лезь вверх.

Амальрик передал ему оружие и в свою очередь вскарабкался наверх. Крыши были сделаны из деревянных балок, покрытых толстым слоем пальмовых листьев, а сверху еще слоем глины. Местами глина подавалась под их ногами, и раздавался треск.

Амальрик, следуя за Конаном, пересек несколько крыш. Расстояния между крышами они перепрыгивали. В конце концов они добрались до большого здания почти на краю площади.

- Я должен увести из города Лиссу! сказал Амальрик, крайне обеспокоенный.
- Не все сразу, проворчал Конан. Нужно узнать, что происходит.

Беспорядок на площади немного уменьшился. Офицеры снова выстраивали подчиненных в военные порядки. На тронном возвышении по ту сторону площади стоял Аския в своих атрибутах колдуна. Он держал речь. Амальрик не слышал его слов, но, надо полагать, Аския рассказывал жителям Томбалку, каким он будет великим и мудрым правителем.

Шум слева привлек внимание Амальрика. Сначала это было бормотание, такое же, как шум толпы на площади. Затем оно переросло в рев. На площадь выбежал человек и крикнул Аскии:

— Афаки атакуют восточную стену!

Площадь вновь превратилась в хаос. Загремели боевые барабаны. Аския выкрикивал приказы направо и налево. Отряд черных копьеносцев стал выбираться с площади в направлении беспорядков. Конан сказал:

— Лучше нам выбираться из Томбалку. Какая бы сторона ни выиграла, им понадобятся наши шкуры. Сакумбе был прав, эти люди никогда не пойдут за белым. Иди к себе домой и подготовь к дороге свою женщину. Испачкайте лица и руки сажей из очага, так вы будете вызывать меньше подозрений в темноте. Возьмите все ваши деньги. Я встречу вас там с лошадьми. Если мы поторопимся, то успеем выбраться через западные ворота, прежде чем их закроют или Зехбе атакует их. Однако, прежде чем уйти, я должен кое-что сделать.

Конан уставился поверх голов выстроенных рядами черных воинов на Аскию, который продолжал ораторствовать на возвышении. Конан взвесил в руке дротик.

— Дальний бросок, но у меня должно получиться, — пробормотал он.

Киммериец отошел к дальнему краю крыши, разбежался и, немного не добежав до края крыши, выходящего на площадь, могучим движением рук и всего туловища послал дротик вперед. Оружие исчезло во тьме. Три долгих удара сердце Амальрик пытался угадать, куда оно угодит.

Аския внезапно крикнул и зашатался. Длинное древко торчало из его груди и раскачивалось в такт конвульсивным движениям колдуна. Когда колдун рухнул на помост, Конан рявкнул:

— Идем!

Амальрик побежал, прыгая с крыши на крышу. На востоке шум битвы стал громче. Там смешались боевые кличи, удары барабанов, звуки труб и лязг оружия.

Еще не наступила полночь, когда Амальрик, Лисса и Конан выехали верхом на лошадях на песчаный гребень в миле к западу от Томбалку. Они оглянулись посмотреть на город, который теперь был освещен огненным заревом сражения. То здесь, то там вспыхивали пожары. Афаки перебрались через восточную стену и бились с чернокожими воинами на улицах. Хотя последние превосходили их числом, отсутствие вождей поставило их в невыгодное положение, и этого не могла возместить их варварская доблесть. Афаки продвигались все глубже в город, а огни пожаров сливались в одно огромное пожарище.

С такого расстояния ужасный грохот битвы был слышен лишь слабым отголоском. Конан проворчал:

- С Томбалку покончено. Кто бы ни выиграл сражение, нам придется поискать удачи в другом месте. Я отправлюсь на берега Куша, там у меня друзья враги, впрочем, тоже. Там я смогу попасть на корабль до Аргоса. А вы что?
 - Я еще не думал, сказал Амальрик.
- С тобой симпатичная девушка, сказал Конан, ухмыльнувшись. Свет восходящей луны блестел на его крепких белых зубах, которые резко выделялись на испачканном сажей лице. Ты не сможешь таскать ее за собой по всему свету.

Амальрик ощетинился. Ему не понравился тон Конана. Он придвинулся к Лиссе и обнял ее одной рукой, опустив вторую руку на рукоять меча. Конан ухмыльнулся еще шире.

- Не бойся, сказал он. Женщины никогда не были мне нужны настолько, чтобы я отнимал их у своих друзей. Если вы двое отправитесь со мной, ты сможешь пробиться обратно в Аквилонию.
 - Я не могу вернуться в Аквилонию, сказал Амальрик.
 - Почему?
- Мой отец был убит в ссоре с графом Терентиусом, который в милости у короля Вилеруса. Поэтому всей родне моего отца пришлось бежать из страны, чтобы не попасть в лапы агентов Терентиуса.
- Ты что, не слышал новости? спросил Конан. Вилерус умер полгода назад. Теперь правит его племянник Нумедид. Говорят, что он разогнал всех фаворитов прежнего короля, а изгнанникам позволил вернуться. Мне рассказал это шемитский торговец. Я бы на твоем месте поспешил домой. Новый король найдет тебе достойную должность. Возьми свою милашку Лиссу и сделай ее графиней или кем-нибудь вроде этого. Что касается меня, я направляюсь в Куш, к синему морю.

Амальрик оглянулся на кровавое зарево, в которое превратился Томбалку.

— Конан, — сказал он, — почему Аския уничтожил Сакумбе, а не нас? Ведь ссора у него вышла с нами.

Конан пожал могучими плечами.

- Может, у него были обрезки ногтей и тому подобное, принадлежащие Сакумбе, но не было наших. Так что он произнес то заклинание, которое смог. Я никогда не понимал колдунов.
 - А почему ты задержался, чтобы убить Аскию?

Конан удивленно уставился на него.

— Ты шутишь, Амальрик? Чтобы я оставил убитого друга неотомщенным? Сакумбе, черт побери его черную шкуру, был мне другом. Даже если он стал толстым и ленивым на старости лет, он был лучше многих белых, которых я знаю. — Киммериец глубоко вздохнул и покачал головой, как лев качает гривой. — Ладно. Он мертв, а мы живы. Если мы хотим и дальше

оставаться в живых, лучше двигаться, прежде чем Зехбе пошлет за нами в погоню отряд. Поехали!

Три лошади спустились вниз по западному склону песчаного гребня и проворной трусцой направились на запад.